

Александр Асмолов о человеке после пандемии: «Будущее за приоритетом индивидуальности, связанным с избыточностью, ценностью и изобилием»

Какими предстанут после кризиса базовые институты общества – фундаментальная наука, система здравоохранения, образование и, главное, сам человек? Своими соображениями на эту тему будут делиться ведущие эксперты Президентской академии в рамках нашей новой рубрики «Мир после пандемии». Сегодня директор Школы антропологии будущего РАНХиГС, академик РАО Александр Асмолов размышляет, как, по его мнению, пандемия коронавируса отразится на человеке.

Установка на выживание истощает силы общества

Последние несколько месяцев как никогда в истории нашей цивилизации обострилось желание услышать пророков, найти пророков, которые бы сказали, а что с нами произойдет после всеобщего кризиса человечества. И эти пророки не замедляют появляться. Среди них я хотел бы назвать таких известных футурологов, как Ной Харари, Рей Курцвейл. Пророки есть и у нас в стране, которые так или иначе говорят о том, что день грядущий нам готовит, как трансформируется мир, та или иная страна, каждый человек после всеобщего планетарного кризиса. При этом в своих проектах, иногда ясно, а иногда неявно, многие показывают, что знают не только что будет, но и когда и как это будет.

У меня по отношению к подобного рода футурологическим проектам «дня после кризиса» невольно возникает психотерапевтическое отношение. Я понимаю мастеров этих проектов. И вместе с тем понимаю, что каждый раз, когда мы сталкиваемся с кризисами и травмами, у нас – в истории человечества и в истории личности каждого человека, есть уникальный опыт освобождения от травм. Как бы они ни назывались – травмы войны, травмы Холокоста. И мы умеем перерабатывать, переживать драматический опыт. А иногда переживаем и, простите, пережевываем его настолько, что по прошествии времени оказываемся слепы к тому, что с нами было. И в силу того, что вытесняем, как сказал бы Зигмунд Фрейд, свой травматический опыт, оказываемся теми людьми, для которых словно бы ничего и не было. Когда я об этом говорю, то хочу подчеркнуть, что человечество впадает в защитные реакции, которые называются беспомощностью, потерей памяти о кризисе, дабы уберечь себя, спрятаться от общих человеческих неврозов, страхов и паники. Вместе с тем напомним еще одну истину, которая емко передается формулой «Никого еще опыт не спасал от беды». Говоря об этом, я как бы противоречу себе и вместе с тем, основываясь на определенного рода антропологическом анализе цивилизации, хотел бы поделиться некоторыми сценариями, которые так или иначе связаны с наступившей трагедийной ситуацией.

Чтобы понять, что произойдет завтра, надо определить источники трагедии, наступившей сегодня. Именно поэтому, с точки зрения такого сложного подхода, который называется теория развивающихся систем, я могу

сказать следующее. Ключевой вопрос – какие системы оказываются обладающими большей готовностью к встрече кризиса, большей жизнестойкостью? А какие обладают меньшим потенциалом готовности и тем самым – преодоления этой общепланетарной трагедии?

Дело заключается в том, что те страны и люди, которые в жизни своей сделали установку на выживание, оптимизацию, различного рода секвестирование, на великий принцип оптимальной экономии, чтобы жить, оказываются волей-неволей не готовыми к кризису. Поясню это следующим примером. Те страны, в которых принцип прагматизма, принцип пользы, принцип установки на экономию в самых разных областях привел к тому, что оптимизировалась (это очень коварное слово) медицина, те страны, в которых оптимизировалось образование, где на одного, простите, врача было огромное количество, пользуясь термином этих утилизаторов, койко-мест, те страны, которые считали, что медицина должна быть оптимизирована, уменьшено количество больниц, подготовка врачей, все эти страны создали узкое горлышко. И это обернулось тем, что мы увидели на поверхности. Когда огромные потоки машин «Скорой помощи» металась по Москве и не знали, куда везти больных, потому что не хватало врачей, койко-мест, тех или иных средств медицины, гигиены, масок, перчаток и т.д. и т.п. Это произошло в тех странах, где, следуя логике экономического детерминизма «Лишь бы сэкономить», люди оказались не готовыми к беде.

Контролеров больше, чем делателей

А вот вторая сторона той же медали. Мы оказались заложниками того, что человековедческие профессии, гуманитарные профессии во многих странах бросались в буквальном смысле слова в костер. Вспоминаю, говоря об этом, те слова, которые привел в своем интервью Владимир Мау, рассказывая об экономике непредсказуемости. Мы не понимали экономики непредсказуемости, и Владимир Александрович приводит следующий пример. У одного врача спросили: «Что же вы, врачи, и где же вы, исследователи? Какие же вы слабые, раз не сумели подготовиться к эпидемии! Вы, а никто другой, несете за это ответственность». На что доктор из Испании сказала: «А вы в вашем мире, в вашей культуре, разве не чувствовали, что футболисту как звезде платите миллионы евро, а врачу и биологу сумму, которую неудобно даже называть?».

Вот этот пример испанского доктора четко показывает, что все страны, в которых человековедческие профессии (учитель, врач, социальный работник) были не ценностью, не приоритетом, имеют сейчас шанс на их переоценку за счет сиюминутной героизации. У нас сегодня говорят: «В бой идут медики», «Слава героизму врачей, которые защищают человечество от пандемии!». Это правильно, но лишь до некоторой степени. Ведь рядом с героизмом врачей рука об руку шагает героизм медсестер, социальных работников, курьеров, которые, несмотря на все риски, доставляют заказчикам необходимое, чтобы у них продолжалась жизнь. Поэтому все профессии, которые мы лукаво называем сферой обслуживания и сводим к рынку услуг,

это не просто профессии. Врач это не услуга, учитель, социальный работник это не услуга, а профессия, для которой важнее всего принцип Альберта Швейцера благоговения перед жизнью. Мы видим, насколько более быстро такие страны, как Швеция, Израиль, Южная Корея, Канада с их превосходящим потенциалом и приоритетом ценностей индивидуальности, оказываются готовы к выходу из пандемии, как слаженно мобилизуют человеческие силы на преодоление этого вселенского зла.

В будущем, если мы останемся заложниками оптимизации, секвестра, если будем и дальше безмерно экономить на медицине, здравоохранении и образовании, если мы в этих сферах будем думать только о том, как проконтролировать бюджет и не думать о том, как создать мастеров, которые поддерживают человеческую жизнь, то, сколь бы быстро не вышли из кризиса, столкнемся с новыми потрясениями и кризисами. Поскольку будущее, которое конструируется сегодня, зависит от того, поможет ли травма, которая нанесена, понять, что стало подлинными причинами неготовности к ней, подлинными истоками неготовности к коронавирусу. Вот это для меня главный момент.

Что же стало готово, что сохранится в будущем? У нас в образовании, как и в медицине, уже который год происходит всеобщая кастрация за счет борьбы против разнообразия, уникальности, инноваций, вариативности. У нас зародившиеся в 1990-х годах системные службы психологической и педагогической поддержки индивидуальности каждого, службы поддержки личности, тьюторы, мастера педагогической поддержки, практические психологи образования все время и в первую очередь вымываются из классов, поликлиник, центров психолого-педагогической реабилитации и коррекции.

Тем самым уменьшается возможность системы образования быть эффективной системой персонализации, помощи каждому человеку, школьнику, студенту. Если вы посмотрите на скупые статистические данные, которые мало кто смотрит, то увидите, что у нас в стране почти на полтора учителя приходится один управленец. То есть у нас, грубо говоря, в процентном соотношении в образовании, как и в медицине, контролеров больше, чем делателей – тех, кто создает инновации. Их больше, по большому счету, чем учителей, которые творят жизнь личности и судьбу каждого человека. Мы контролируем учителя и тем самым контроль у нас, как и в ряде других стран, преобладает над развитием.

Новый Ноев Ковчег образования

Во всех этих ситуациях мы убедились в одном. То, что казалось нам избыточным, ненужным и то, что я называю преадаптивным, а именно – инновации, психологическая поддержка, педагогическая поддержка, социальная работа, социальная педагогика, вдруг оказались тем, что в ситуации кризиса перестало быть Золушкой. Люди нуждаются в помощи, и те, кто обладает искусством этой помощи, приходят им в буквальном смысле, простите за каламбур, на помощь.

«У нас образование, слава Богу, консервативное, и если кто-то хочет заниматься роскошью, баловством, то пусть идет заниматься инновациями, пусть появляются различного рода Шаталовы, Щетинины, исповедующие педагогику сотрудничества, общих с детьми открытий и экспериментов. Это все баловство, но пусть они там себе работают. Пусть появляется наряду с офлайн-обучением онлайн-обучение», – примерно так мы рассуждали, пока наступала четвертая промышленная революция. А что оказалось?

То, что вчера было Золушкой, а именно онлайн-обучение, сегодня стало в буквальном смысле условием построения образовательного Ноева ковчега. При всех сложностях, при всей технологической неподготовленности учителя и родителя, именно теперь все это прорвалось и стало очевидно каждому.

Другой вопрос: а будет ли, как некоторые говорят, образование в будущем онлайн-образованием? Или же оно вернется, пережив травму, в спокойный консервативный и нормальный мир образования лицом к лицу? Мой ответ: обладает готовностью к кризису та система, которой присущи избыточность и изобилие. Отсюда будущее за тем обществом, в котором есть установка на приоритет индивидуальности, связанной с избыточностью, с ценностью, изобилием. Поэтому мир, выстоявший в эволюции цивилизации, это мир новых возможностей. Реальность после пандемии будет ценна ценностью расширения граней выбора, в которой и учитель, и врач сумеют работать, как боксер, который владеет и левой, и правой рукой в равной степени. Это будет мир смешанной реальности как реальность многих потенциальных возможностей. Не мир одного онлайн и не мир одного офлайна. Будущее, если оно будет эволюционно выигранным, видится неким расширением возможностей развития общества – без всех этих оптимизаций, секвестров, всех этих, как очень точно сказал один из замечательных специалистов РАНХиГС, директор Центра современных политических исследований Института общественных наук (ИОН) Григорий Юдин, «узких горлышек», в которые нас загнали беспредельные бухгалтерские схемы жизни, беспредельные ограничения в сфере гуманистических профессий.